

## ФЕНОМЕН МЕДИАИМПЕРИАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н. А. Гаршин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2024 г.

**Аннотация:** предметом статьи являются феномен медиаимпериализма и его влияние на глобализацию. Особое внимание уделяется трансформации империализма в историческом развитии и в истории философской мысли. Автор отмечает общее и частное в медиаимпериализме и культурном империализме. Анализируются факторы, обеспечившие рост влияния медиаимпериализма в глобализованном мире. Отмечается манипулятивный потенциал практик исследуемого феномена.

**Ключевые слова:** империализм, медиаимпериализм, медиа, кризис, манипуляции сознанием.

**Abstract:** the subject of the article is the phenomenon of media imperialism and its impact on globalization. Particular attention is paid to the transformation of imperialism in historical development and in the history of philosophical thought. The author notes the general and specific in media imperialism and cultural imperialism. The factors that ensured the growing influence of media imperialism in the globalized world are analyzed. the manipulative potential of the practices of the phenomenon under study is noted.

**Key words:** imperialism, media imperialism, media, crisis, manipulation of consciousness.

Медиаимпериализм как социальный феномен представляет собой относительно новый феномен, имеющий, однако, достаточно внушительную предысторию. Дело в том, что сам империализм, рассматриваемый как родовое понятие для всех своих подвидов, имеет достаточно богатую историю трансформаций и исследований. Следует отметить, что медиаимпериализм, хотя и является наиболее новой его формой, далеко не факт, что станет последней из таких форм. Напротив, общественные трансформации и ускорение коммуникационных процессов могут ускорить изменения, происходящие в тактике и стратегии влияния со стороны развитых стран на настроения и тенденции общественного развития в странах развивающихся.

Империализм как феномен исторического и социального развития точкой генезиса имеет конец XVIII или начало XIX в. Именно в это время оформляется полноценный контроль развитых промышленных западных стран над зарубежными колониями в странах Юга. Постепенно развиваясь, империи всё больше захватывали ресурсы и подчиняли себе колонизируемые народы. Следует заметить, что в ряде источников встречается определенная демаркация понятий «империализм» и «колониализм». В таком случае под империализмом понимается подчинение

себе иностранного государства, в той или иной мере отчуждение от подчиняемой страны суверенитета. Такое отчуждение может носить не только форму прямого подчинения, но и создания марионеточного правительства, которое будет действовать в интересах империи, а не местных жителей. Так или иначе колониализм в рамках данного подхода рассматривается как продолжение буквального понимания термина «колонист», т. е. «переселенец, осваиватель новых земель и территорий». В частности, такого взгляда придерживался Р. Янг, отмечавший, что колониализм – это создание новых поселений, переселение в новые места. Однако даже данный автор в своем анализе не отрицает подчиненного положения коренных народов [1, с. 17]. Итак, несмотря на определенные теоретические и формальные различия, содержание и колониализма, и империализма состояло в довольно жесткой принудительной экспансии ресурсов подчиненных государств.

При этом в отечественной науке термин «империализм» часто воспринимается как идеологизированный, напрямую связанный с коммунистическим наследием в области социально-гуманитарных исследований. Ниже мы постараемся продемонстрировать, что данное понятие исследовалось и в зарубежной науке, причем его трактовки могли значительно отличаться. Однако важно не забывать и про значимость отечественных исследований даже с учетом их определенной идеологической нагруженности. Это в це-

лом отдельный и сложный вопрос социальных исследований: может ли подобный дискурс быть полностью освобожден от ценностей исследователя как субъекта?

Итак, в современной мысли можно выделить ряд направлений, в которых империализм может быть рассмотрен как в спектре неомарксистского взгляда, так и с позиции традиции либеральных школ философии. К примеру, М. Хардт и А. Негри в своем труде «Империя» под империализмом понимают новый порядок управления и выстраивания системы международных отношений. При этом ощущения изменений могут наступать значительно раньше, чем сами изменения, а негативные последствия – начаться до проявления преимуществ. Так, они пишут: «Глобальный порядок, справедливость и право всё еще остаются виртуальными, но тем не менее затрагивают нас вполне реально. <...> Наше гражданство так же, как и наша моральная ответственность, перешли в эти новые измерения – мера нашей силы и нашего бессилия находится здесь» [2, с. 33].

Современные российские ученые также не оставляют данную проблему без внимания. В частности, описывая противоречивый характер глобализации применительно к экономической сфере, А. В. Бузгалин замечает, что при трансформации глобального порядка и модели глобализации образуется и новый империализм. Он пишет: «Трансформация по модели империализм – глобализация привела к рождению нового империализма, снимающего (не столько в позитивном, сколько в негативном смысле) содержательные характеристики как классического империализма начала XX в., так и черты неолиберальной глобализации второй половины XX в. Так рождается феномен, который мы могли бы назвать новым империализмом» [3, с. 33]. В частности, этот новый порядок состоит в пересмотре сугубо позитивного отношения к глобализации и ее односторонности и, как следствие, трансформации данного процесса, о чем мы подробнее скажем ниже.

Исследуя новые вызовы, исходящие от империализма, в современных международных отношениях и историю развития парадигм концептуализации данного термина, Ю. А. Веселов приходит к выводу о том, что «современный мир можно назвать империалистичным, а империализм неразрывно связан с системой международных отношений и текущим мировым порядком. Следует также утверждать, что некоторые сценарии крушения такого порядка могут быть восприняты марксистами как крах империализма, но для другой парадигмы только конечное падение всех держав может означать его крушение. Таким образом, даже если формирующийся новый мировой порядок будет существовать в интересах группы стран, он также будет являться империалистическим» [4].

Как мы видим, при всём обилии работ на тему империализма в современном дискурсе нет однозначного ответа на вопрос, чем данный феномен является, но при этом четко определяется поле возможного проблемного дискурса по теме. Крайне актуальной представляется и взаимосвязь трактовок и интерпретаций классического империализма, культурного империализма и медиаимпериализма. Соотношение последних двух понятий также составляет определенно дискуссионную тему, ставящую вопрос методологического толка перед исследователем.

Итак, с течением времени и с разрушением классических империй средства влияния всё более изменялись, увеличивая свое разнообразие. С одной стороны, с уходом империй во многом снизилась роль жесткой силы, особенно в начале XXI в. Вместе с тем мы можем это связать во многом с появлением и усложнением средств мягкой силы. Появление более эффективных и экономически целесообразных, чем прямое насилие, средств сохранения подчиненных государств в орбите своего влияния дало толчок к развитию в указанном направлении культурных индустрий в целом и медиаиндустрии в частности.

Дело в том, что медиаимпериализм не возник на пустом месте и одномоментно. Подобно тому, как появлению Фалеса и началу философии способствовала культурная и социальная среда Древней Греции, медиаимпериализм, как феномен социального пространства, стал возможен лишь с опорой на достижения прошлого и различные практики былых эпох. Существует отдельный методологический аспект изучаемой проблемы: является ли медиаимпериализм полностью самостоятельным явлением или же он лишь один из вариантов продолжения культурного империализма, появившегося ранее? На наш взгляд, обе точки зрения имеют право на жизнь, однако разнообразие феноменов и их проявлений в области медиа указывают, что медиаимпериализм удобнее рассматривать в качестве самостоятельного явления, дабы избежать излишнего нагромождения терминов и путаницы в них. При этом, даже рассматривая медиаимпериализм как самостоятельное явление, не стоит забывать о его тесных взаимосвязях с иными формами «мягкой силы» и различными видами империализма прошлых эпох.

Важным замечанием с нами делится С. Г. Лавлинский: «Термин “культурный империализм” не просто теоретическая метафора. Он означает реальную политику, которую проводит современный империализм в области культуры» [5]. Кроме того, сам культурный империализм использует различные техники вовлечения в орбиту своего влияния объектов воздействия и манипуляции. Это и языковые средства, и внешне яркие образы. Однако, на наш взгляд, медиаиндустрия на сегодняшний день настолько расширила свое вли-

ание, что требует выделения в отдельный вид империализма. Это также связано с тем, что медиа воздействуют не только своим собственным содержанием и формой, но и определяют или, как минимум, воздействуют на выбор тех благ, к которым желает прибегнуть человек. И далеко не факт, что это будет именно объект духовной культуры. Подобно кантовским априорным формам медиа зачастую представляют собой не просто способ трансляции готового продукта, каким бы ни было его содержание, но и определяют «способ схватывания» или, в данном случае потребления, его условий того или иного продукта. Это могут быть и новости, и аналитика, и даже научные тексты в широком смысле этого слова. Хотя медиа, безусловно, являются крайне удачным способом трансляции и произведений искусства, и иных форм культуры. Следовательно, можно сказать, что медиаимпериализм и культурный империализм имеют области пересечения, однако полностью не совпадают. Медиа представляют собой некую идеальную форму, которую можно наполнить разнообразным содержанием, при этом такое содержание может носить более или менее идеологизированный характер.

Опосредованность человека от реального мира медиа и их различными формами была заметна для философов уже в прошлом веке. Пожалуй, одним из самых известных высказываний на эту тему является цитата Н. Лумана из работы «Реальность массмедиа»: «Всё, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем через массмедиа. Это относится не только к знанию общества и истории, но и к знанию природы. Мы сопротивляемся их воздействию, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из массмедиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга» [6, с. 9]. Однако с течением времени и влияние, и манипулятивный потенциал медиа только возрастали, представляя всё большую угрозу для возможности критического и самостоятельного мышления. Кроме того, снижается уровень доверия как к самой информации из медиа, так и к экспертам в целом. Отчасти данное понятие становится всё более размытым, а в эпоху постправды популярность спикера, к сожалению, может быть более значимым фактором, чем содержание его выступления или реальные достижения в представляемой области. Это вызывает чувство растерянности, усиливая такую важную черту общества риска, как неопределенность, что в свою очередь мешает эффективному управлению социумом и отдельными его структурами.

Итак, дадим рабочее определение медиаимпериализма. Это такой тип империализма, при котором отношения зависимости государств выстраиваются

не путем насильственного принуждения к тому или иному образу жизни и экономической деятельности, а путем продвижения через медиа определенных нарративов, выгодных владельцам медиа и государствам, которые эти медиа представляют. Так, описывая отношения государств, медиакорпораций и граждан, подвергающихся воздействию медиа, Т. МакФейл замечает: «[отношения в рамках медиаимпериализма – это] отношения зависимости, установленные путем импорта коммуникационного оборудования, программного обеспечения иностранного производства, а также инженеров, техников и соответствующих информационных протоколов, которые устанавливают набор иностранных норм, ценностей и ожиданий, которые в различной степени могут изменить внутренние культуры и процессы социализации» [7]. Таким образом, позволяя подконтрольным государствам или находящимся в сфере экономических или политических интересов сохранять видимость и ощущение собственной независимости путем манипуляций при помощи медиа, их владельцы позволяют своим странам распространять те идеи и нарративы, которые требуются интересам. Важно, что не применяются насилие, запугивание, характерные для жесткой силы, а наоборот, фактически демонстрируется местному населению, что это является их выбором. Безусловно, в ходе применения таких средств реальное волеизъявление представить себе сложно. Это одна из ключевых черт манипуляции, которая отличает ее от прямого принуждения, и от лжи, а также мошенничества. Выделяя ключевые черты манипуляции сознанием, С. Г. Кара-Мурза пишет о манипуляциях следующим образом: «Если выписать те определения, которые дают авторитетные зарубежные исследователи явлению манипуляции, то можно выделить главные, родовые признаки манипуляции. Во-первых, это вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилия). Во-вторых, манипуляция – это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции. В-третьих, манипуляция – это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний. К людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам. Манипуляция – это часть технологии власти, а не воздействие на поведение друга или партнёра» [8, с. 16]. Кроме того, медиаканалы за счет отсутствия территориальных и, отчасти, временных границ являются крайне благоприятной средой для манипуляций сознанием. Это связано с тем, что сама среда позволяет легко фрагментировать информацию, исказить ее, а сам человек относится к ней весьма не критично, будучи настроенным на потребление легкого контента. Часто манипуляция и проводимая при ее помощи политика применения

мягкой силы используются скрыто, через контекст фильмов, музыки. Не случайно некоторые исследователи отмечали роль Голливуда в продвижении американского образа жизни, мечты, а подспудно и привития тем или иным этносам американских ценностей и вытеснения традиционных ценностей. Кроме того, через искусство как средство мягкой силы может быть сформирован и негативный образ той или иной страны. Исследуя взаимосвязи различных силовых ведомств с киноконцернами, П. В. Данилин, генеральный директор Центра политического анализа, отмечает, что в зависимости от характера российско-американских отношений менялось изображение нашей страны на экране. К примеру, с ростом напряженности всё больше негативных или просто малопривлекательных персонажей имеют отсылку к России. Как пишет указанный автор: «Еще труднее, чем в документальных фильмах и широкоформатном кино, найти не плохих русских в современных сериалах» [9]. Таким образом, на крайне широкий круг зрителей воздействует необходимая тому или иному государству, а иногда корпорации, повестка или ценностная система. При этом важен и экономический аспект использования подобной мягкой силы. Если жесткая сила требует серьезных затрат, вызывает определенное напряжение общества, кроме того, ее намного труднее, если возможно, использовать скрытно, то мягкая сила в виде искусства и просветительских проектов менее дорога, а порой может параллельно приносить ее акторам прибыль. Дж. Най, один из классиков исследования данного направления, еще в 2004 г. выразил суть эффективности феномена мягкой силы: «Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека <...> глубоко соблазнительны» [10, с. 21]. От себя мы можем добавить, что данные нарративы и концепты не только соблазнительны, но и весьма туманны и неопределенны, что повышает их манипулятивный потенциал. Они могут быть наполнены содержанием с различными оттенками и акцентами, что может делать их схожими по форме, но ведущим совершенно к иным выводам и последствиям реализации ценностей в общественной жизни. Тем не менее мягкая и жесткая сила не противоречат друг другу, а дополняют, причем порой используются в тандеме, особенно в крайних обстоятельствах, ставящих перед государством вызовы, связанные с его существованием. Об этом красноречиво пишет К. С. Гаджиев, замечая, что «не стоит переоценивать роль мягкой силы и культурной гегемонии. Во все времена верх оказывали идеи, которые подкреплялись силой» [11, с. 204].

В эпоху глобализации медиаимпериализм крайне активно развивается путем интернета и всё большего его распространения по миру. Более того, несмотря на то что ряд исследователей говорит о кризисе гло-

бализации и переходе к глокализации и даже деглобализации, именно медийный ресурс, социальные сети, видеохостинги и киноконцерны по-прежнему являются важным активом стран Севера. Зачастую у беднейших стран Юга не просто отсутствует собственная интернет- и медиаиндустрия, но и нет ресурсов, а также навыков для создания конкурентоспособных аналогов. Именно поэтому наиболее развитые страны Юга стремятся к отмене существующей диктатуры медиаимперий, что будет способствовать возможности высказывать различные точки зрения и вести дискуссии.

Тем не менее исследования феномена медиаимпериализма заставляют как простых людей, так и государственных деятелей задуматься о его влиянии на общественное сознание не только отдельных стран, но и некоего общемирового тренда и попытаться предложить контрмеры против манипуляторного воздействия медиамагнатов и корпораций на ценностно-смысловые системы.

Таким образом, перед современным обществом медиаимпериализм представляет определенный вызов в борьбе за подлинную свободу слова и мысли. Наличие очевидного перекоса в сторону медиакорпораций и их хозяев ведет к искажению фактов и односторонности освещения событий. Следовательно, являясь важным инструментом мягкой силы, медиа и представители шоу-бизнеса в современном мире служат отстаиванию корпоративных и государственных интересов. Это позволяет нам рассматривать медиаимпериализм как превращенную форму классического империализма, особенно в контексте его связи с манипулятивными технологиями.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Young J. R. S. Postcolonialism : an Historical Introduction* // John Wiley & Son, 2016. 512 p.
2. *Хардт М., Негри А.* Империя / пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М. : Праксис, 2004. 440 с.
3. *Бузгалин А. В.* Империализм в XXI веке : протоимперии и «Восстание периферии» // ЭВР. 2017. № 3 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperializm-v-xxi-veke-protioimperii-i-vosstanie-periferii>
4. *Веселов Ю. А.* Основные интерпретации понятия «империализм» в современной теории международных отношений // Международные отношения. 2022. № 2. С. 31–56. URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=36592](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36592)
5. *Лавлинский С. Г.* Культурный империализм и джингоизм в современной культурной политике // Вестник МГУКИ. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-imperializm-i-dzhingoizm-v-sovremennoy-kulturnoy-politike>
6. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. 256 с.

7. McPhail, Thomas L. Global communication : theories, stakeholders and trends. Steven Phipps (Fifth ed.). Hoboken, NJ, 2020. 336 p.

8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2005. 832 с.

9. Данилин П. В. Пропаганда и Голливуд. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/propaganda-i-gollivud>

10. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10. С. 20–24.

11. Гаджиев К. С. Метаморфозы идеологии в век информатики: монография. М. : Университет. кн., 2016. 456 с.

*Воронежский государственный университет*  
Гаршин Н. А., старший преподаватель кафедры  
истории философии и культуры  
E-mail: garshnick@mail.ru

*Voronezh State University*  
Garshin N. A., Senior Teacher of the History of Philosophy and Culture Department  
E-mail: garshnick@mail.ru